

А. А. Базаров

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ МАССОВОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОМПЛЕКТОВ КАНГЬЮРА В БУРЯТИИ В XVIII–XIX вв.

В статье рассматривается роль социально-политической мотивации в появлении многочисленных комплектов Кангьюра в Бурятии. Методологическим основанием исследования является так называемая «социальная археография» с использованием отдельных положений исторической феноменологии. Анализ массового распространения комплектов Кангьюра в Бурятии в XVIII–XIX вв. способствует пониманию социально-политической значимости данной литературы в рамках функционирования книжных собраний буддийских сообществ в Байкальском регионе в XVIII–XIX вв. Основная проблема исследования заключается в реконструкции социально-политических аспектов возникновения буддийского канонического наследия в российских регионах. Содержательный анализ коллекций показал, что к началу XX в. бурятские монастыри выстроили стройную иерархическую систему буддийского книжного репертуара, в которой Кангьюры занимали центральное место. За массовым приобретением бурятскими монастырями тибетских буддийских канонов в XVIII–XIX вв. стояли элементы обеих форм мотивации как социально-политической, так и религиозно-сoterиологической. В статье также освещаются ранее неизвестные эпизоды из истории буддийских сообществ Бурятии.

Ключевые слова: буддизм, Байкальский регион, буддийский канон, социальная археография, власть, общество.

A. A. Bazarov

SOCIO-POLITICAL REASONS FOR THE MASS DISTRIBUTION OF KANGYUR SETS IN BURYATIA (18TH – 19TH CENTURIES)

The paper is devoted to the role of socio-political motivation in the emergence of numerous Kangyur sets in Buryatia. The methodological basis of the study was “social archeography” using historical phenomenology. Social and archeographic analysis of the collection allows us to understand the social significance of the Kangyur and the specifics of Buddhist book culture in the Baikal region of the 18th – 19th centuries. The main problem of the study is to reconstruct the social aspects of the formation of the Buddhist canonical heritage in the Russian regions. The analysis of the collections showed that Buryat monasteries had built a harmonious book system in which the Kangyur occupied a central place. There were elements of both forms of motivation, practical and soteriological, in the decision of the leaders of the region's Buddhist communities to acquire Kangyur in large quantities from Qing China.

Keywords: Buddhism, Baikal region, Buddhist canon, social archeography, power, society.

Базаров Андрей Александрович – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра восточных рукописей и ксилографов Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: bazarow_andr@mail.ru.

Введение

Изучение буддийского канона в современном востоковедении имеет несколько направлений. До недавнего времени, благодаря исследованиям Хельмута Эймера, Пола Харрисона, Джонатана Силка и Питера Скиллинга, использовавших классические филологические методы, основное внимание придавалось текстологическому критическому анализу данных собраний текстов с целью установления линий преемственности различных канонических редакций. Это позволяло отразить родство многочисленных изданий тибето-монгольского буддийского канона, провести сравнительный анализ. Начиная с 90-х гг. прошлого века особую роль стали занимать исследования в области социальных и политических условий функционирования данного типа буддийской литературы. Многочисленные комплекты буддийского канона Кангьюр (тиб. Вка 'gyur) [Бальжурова, Бороньева 2019; Зорин и др. 2017; Музраева 2012; Сыртыпова и др. 2006], сохранившиеся в Бурятии и Забайкальском крае до наших дней, свидетельствуют о массовом распространении канонической литературы тибето-монгольского буддизма в Бурятии в XVIII–XIX вв. В этой связи возникает вопрос о социально-политических причинах данного исторического явления. Актуальность социально-археографического исследования [Бахтина, Дутчак, Керов 2006] буддийских канонических собраний не вызывает сомнений, поскольку это способствует не только изучению важнейших письменных источников в качестве конкретного материального документа истории буддийской книжности, но и формирует понимание того социально-политического значения, которое имел исследуемый канонический сборник в буддийских сообществах Внутренней Азии и России.

Результаты исследования

Каково социально-политическое и историческое значение массового распространения тибето-монгольского буддийского канона Кангьюр (тиб. Вка 'gyur) для буддизма Внутренней Азии и Бурятии в XVIII–XX вв.? Необходимо подчеркнуть, что массовому распространению канонических собраний в этот период предшествовали крупные социально-политические сдвиги, происходившие на рубеже XVII–XVIII вв. в регионе. Исследователь Бенджамин Норс в своей работе «Каноны в контексте: история тибетского буддийского канона в XVIII веке» описывает историческую ситуацию, предшествующую массовому распространению Кангюра во Внутренней Азии на примере ксилографических изданий Кангюра в монастырях Чоне¹ и Дэге². Обратимся к наиболее характерному для

¹ Чоне гончен ганден шедруб линг (Co ne dgon chen dga' ldan bshad sgrub gling) – гелукпинский монастырь в Амдо. Первоначально это был монастырь школы сакья, основанный в 1269 г. Пагпа лама ('Gro mgon chos rgyal 'phags pa, 1235–1280) под патронажем Хубилай-хана, а в 1459 г. Чойдже ринчен лхунпо (Chos rje rin chen lhun po) преобразовал его в гелукпинский.

² Здесь речь идет о знаменитом монастыре Деге Гонгчен (тиб. sde dge dgon chen) — монастыре школы сакья в тибетском буддизме, основанном Тангтонг Гьялпо (1385—1464), и его типографии Паркханг (тиб. sde dge par khang), построенной в 1729 г. Донгба

нашего анализа примеру – монастырю Чоне. В первой половине XVIII в. король Чоне (в тот период территория фронта между цинским Китаем и Тибетом)¹ Макзор Гонпо поддержал маньчжурскую династию Цин в расширении ее влияния в Тибете и фактически признал свой вассальный статус от имперского центра [Nourse 2014: 110–112: эл. ресурс]. Одновременно он усиливает поддержку буддизма, прежде всего это касается монастыря Чоне гончен (Co ne dgon chen). Наиболее важным в этой поддержке стало его решение издать в монастыре два канонических сборника Кангьюр и Дангьюр. Ксилографическое издание Кангьюра в монастыре Чоне стало для своего времени значительным историческим событием. Исследователи связывают это с тем, что чонеский Кангьюр был первым печатным изданием Кангьюра в тибетском этническом регионе в XVIII в. [Ibid.: 8]. В результате благодаря ксилографическому изданию канона резко возрастает религиозно-политическая роль монастыря Чоне во Внутренней Азии. У монастыря и местности появился прочный религиозно-политический авторитет, поскольку Чоне становится лидером ксилографической печати как канонической, так и неканонической литературы на Тибетском нагорье. До сих пор данный монастырь известен в буддийском мире как крупнейший издательский центр, обеспечивавший регионы Внутренней Азии и России своими каноническими собраниями. Бенджамин Норс подробно разобрал социальные, политические и религиозные причины, побудившие Макзора Гонпо и его сподвижников издать Канон. Исследователь на фундаментальном материале, в основном гарчки, доказал, что издание канона определенным способом легитимизирует власть инициаторов данного исторического события в сложной социально-политической обстановке XVIII в., является одним из факторов в формировании регионального центра социального и религиозно-политического притяжения внутри обширной империи – цинского Китая. Необходимо подчеркнуть, что специфика материала и предмет исследования Бенджамина Норса не позволили ему уделить особое внимание проблеме значения ксилографических изданий буддийского канона для развития региональных буддийских центров и новых этнорелигиозных идентичностей внутри крупного политического объединения – Российской империя.

На наш взгляд, исторический пример издания и распространения чонеского Кангьюра является характерным для понимания социально-исторических событий не только в Тибете, но и в Бурятии. Сравнительный анализ показывает, что региональная политическая элита Внутренней Азии в XVIII в., сталкиваясь с задачами собственной трансформации внутри империй как в Цинской, так и Российской, опирается прежде всего на буддизм. В данном случае он становится важнейшим социальным институтом, регулирующим взаимодействие центра и

Церен, XIV королем Деге (1678–1739). Местность Деге (тиб. Sde-dge) находится в Гардзе-Тибетском автономном округе в провинции Сычуань в Китае. Центром уезда является Гэнцин.

¹ В настоящее время Чоне – это уезд в Ганьянь-Тибетском автономном округе, в юго-западной части провинции Ганьсу, Китай.

периферии, принося определенные выгоды обеим сторонам. Как известно, данный институт обладает разнообразными средствами для подобной регуляции. В перечисленные средства могут входить развитие религиозного образования, строительство монастырской структуры, формирование верноподданнической идеологии, книгоиздательская деятельность и мн. др. Какую роль в этих процессах играют канонические сборники? Их физическое наличие служит прежде всего для поддержки идентичности небольших сообществ и формирования региональных центров. При этом инициаторы, задействовавшие это средство по примеру чонеского руководителя Макзор Гонпо, ставят перед собой не только конкретные социально-политические, но и религиозно-доктринальные цели, например, приобрести для себя и своего народа кармические заслуги.

Что касается Байкальского региона, то в течение XVIII–XIX вв. по инициативе местных элит на этой территории складывается сеть буддийских монастырей [Галданова и др. 1983: 34–79] в качестве новых религиозных и социальных центров. Новые монастыри требовали установки священных предметов – «трех опор» (rten gsum) буддийской религиозной практики, состоящих из олицетворений тела (статуй), речи (Кангьюров) и ума (ступ) Будды, чтобы сделать их настоящими буддийскими храмами. Как свидетельствуют архивные данные, в связи с бурным строительством монастырей вокруг Байкала (Республика Бурятия, Забайкальский край, Иркутская область) в XVIII–XIX вв. местные храмы приобретали в больших количествах комплекты Кангьюра [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 238] (покупка, переписка, дарение). Для того времени характерен документ от 17 июля 1863 г., составленный Пандито Хамбо-ламой Восточной Сибири настоятелем Гусиноозерского дацана Галсан-Чойроп Ванчиковым (1816–1873) и утвержденный военным губернатором Забайкальского края К. Н. Шелашниковым (1820–1888). В тексте документа – разрешение о распродаже привезенных из цинского Китая буддийских культовых предметов, в т. ч. комплекта Кангьюра (108 томов, по 5 руб. за том) [Там же. Л. 20]. Этому документу предшествовало прошение настоятеля Бургалтайского дацана Ламаева о приобретении комплекта Кангьюра, в основном за счет коллективных пожертвований [Там же. Л. 11–12]. В следующем документе за 1864 г. обнаружен реестр сумм пожертвований агинскими бурятами (от 10 до 300 руб., всего 2750 руб.) на приобретение канона, «Амгалан Бородин, кубдутского рода – 300, Самдан Жигжитов, шарайтского рода – 300, Сыден Данба Су..ев, хосаитского рода – 150, заседатель Жигдын Зориктуев – 150, Сыден Доржи Урелтуев, харганатского рода – 150, заседатель Арсалан Тугулдунов – 100, староста Жамсаран Жамбулов – 60, Жамбал Сондолов бодонгутского рода – 10 и др.» [Там же. Л. 27].

К концу XIX в. обеспеченность Кангьюрами бурятских монастырей достигла пика¹. Согласно информации Г.-Д. Нацова каждый бурятский монастырь владел

¹ Комплекты приобретались даже для отдельно стоящих сельских дуганов. Пример, комплект Кангьюра, хранящийся в сельском дугане (с. Бурсомон, Красночикойский район, Забайкальский край).

от одного до нескольких Кангьюров¹. Например, небольшой Ацагат-Челутаевский дацан обладал Кангьюром в одном экземпляре [Нацов 1998: 40], в крупном дацане – Агинском, находилось семь экземпляров (1 местный рукописный, 2 нартанских, 2 чонеских, 1 дегеский, 1 на монгольском языке неизвестного издания) [Там же: 66–67]. Ксилографические канонические сборники, хранившиеся в бурятских дацанах, представляли издательства Деге, Нартанг, Пекин, Чоне, Урга. Также были популярны местные рукописные издания. Рукописные издания Кангьюра были осуществлены в Агинском [Там же: 66], Джидинском (Атаганском) [Там же: 25], Кыренском [Там же: 112] дацанах.

Для нашего исследования важен факт того, что ксилографический способ печатания Кангьюров, в массовости возникший в XVIII в., позволил распространять «Слово Будды» не только на территории Внутренней Азии, но и в России. Чонеское (1721–1731), нартанское (1730–1732), дегеское (1729–1733) и ургинское (1908–1910) ксилографические издания становятся социально значимым в регионе в немалой степени благодаря своей доступности. Можно предположить, что долгое время чонеское издание было наиболее выгодным с точки зрения логистики по сравнению с нартанским и дегеским [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 238]², пока не появляется ургинское. Цены на ксилографический (кроме пекинского) Кангьюр в XVIII–XIX вв. в среднем составляли приблизительно 600 руб.³ Тем не менее, как утверждает Бенджамин Норс, опираясь на текст гарчика чонеского издания, в распространении Кангьюров, наряду с прямой покупкой, большое место занимает бесплатная передача канонов (дарение), основанная на представлениях буддистов о приобретении кармических заслуг в деле по бескорыстному распространению «Слов Будды»⁴. В результате необходимо подчеркнуть, что социально-археографическая направленность в изучении Кангьюра позволяет

¹ Кангьюр являлся центральным культовым предметом в строительстве дацанов, поэтому приобретение канонического сборника становилось центральной задачей буддийских монастырей. Вероятно, в той или иной степени к началу XX в. все бурятские дацаны приобрели хотя бы один комплект Кангьюра.

² Чоне находится в Амдо, Деге в Каме, Нартан в Уйцане.

³ Стоимость Кангьюров разная. Записи XIX в.: в одном документе упоминается цена «Книга ганджур всего 108 томов – по 5 рублей за том»; в другом «Ганжур 101 том – 2020 рублей»; «102 тома Ганжура с жанши 8228»; «об судур-ун аймаг ганжур шутээн 102 тома 2400 р.»; «ганджур книги тибетские 1 комплект по 5 руб томов 111, цена 555 р.». Запись 1923 г.: «107 томов Ганжур судур торгон хавтасу-тай жинчи-тай ширэгэ-тэй хамту-ийн унэ – 321 руб.».

⁴ Бурятские монастыри также могли передавать комплект Кангьюра в подарок. Известен случай дарения П. Л. Шелллингу фон Канштадту комплекта дэгэского Кангьюра хори-бурятскими ламами (единственного в дацане) в 1830–1832 гг. [Успенский 2011: 294]. Рассматривать данный дар в качестве обмена комплекта на литографические копии мантры не допустимо. Здесь стоимость переданного Кангьюра при «обмене» настолько несопоставима со стоимостью оказанной услуги, что речь может идти только о дарении согласно буддийским доктринальным положениям.

осознать некоторые аспекты в механизме взаимодействия имперского центра и буддийских региональных центров в Байкальском регионе в XVIII–XIX вв. [Цыремпилов 2013]. Сложнейшая политическая игра противовесов внутри Российской империи требовала от региональных центров усиливать свою значимость в регионах. Для многочисленных бурятских монастырей одним из наиболее значимых в этой деятельности становится массовое приобретение Кангьюров.

Выводы

Социально-археографический анализ функционирования буддийского канона в Бурятии показал, что к началу XX в. бурятские монастыри выстроили стройную иерархическую систему буддийского книжного репертуара, в которой Кангьюры занимали центральное место. Данная книжная иерархия подразумевала структуру параллельную социальной, где монастыри обладали полными каноническими сборниками (от одного до десяти), возглавляя тем самым определенные буддийские сообщества, небольшие сельские (тосхон) дуганы могли иметь разделы из Кангьюра – Юм, Пэлчен и др., а нуклеарная семья – отдельные тексты из канона – Банзаракша, Серод, Доржежедбо и др.

Пытаясь понять бум приобретения канонов бурятскими монастырями в прошлом, у нас может возникнуть искушение свести спонсорство этой работы просто к прагматическим мотивам, в которых первостепенное значение имели явные социально-политические цели и практические соображения. Хотя эти мотивы, скорее всего, присутствовали, мы также должны признать то, что в регионе существовало особое религиозное мировоззрение, согласно которому действовали эти люди. Внутри этого мировоззрения, в котором действовали законы кармической причинности, лидеры формировали новые социальные проекты, опирающиеся на буддизм, с целью сдерживать негативные процессы. За приобретением тибетских буддийских канонов стояли элементы обеих форм мотивации, практической и сотериологической.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия, Монголия и Китай: исторический опыт трансграничного взаимодействия, экономические приоритеты и социокультурные коммуникации») № FWSW-2024-0001.

Литература

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. 84, оп. 1., д. 238 (Ходатайство о свободном пропуске из-за границы бурханов, книг и прочее).

Бальжурова А. Ж. Иволгинский дацан: сохранение исторического памятника, создание музея / А. Ж. Бальжурова, Т. А. Бороноева // Искусство Евразии. – 2019. – № 4(15). – С. 255–266.

Бахтина О. Н. «Егда чем, Господь к нам беседует ...»: к вопросу об институализации социальной археографии / О. Н. Бахтина, Е. Е. Дугчак, В. В. Керов // Вестник РУДН. Сер. История России. – 2006. – № 2. – С. 75–85.

Галданова Г. Р. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века: структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова, К. М. Герасимова, Д. Б. Дашиев, Г. Ц. Митупов. – Новосибирск: Наука, 1983. – 232 с.

Зорин А. В. Каталог сочинений тибетского буддийского канона из собрания ИВР РАН. Вып. 1: Кагьюр и Тэнгьюр / А. В. Зорин, Б. Л. Митруев, С. С. Сабрукова, А. А. Сизова. – СПб.: Вост. лит-ра, 2017. – 512 с.

Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии / Д. Н. Музраева; отв. ред. Э. П. Бакаева; науч. ред. А. А. Бuryкин. – Элиста: Джангар, 2012. – 224 с.

Нацов Г.-Д. Материалы по ламаизму в Бурятии. Ч. 2 / Г.-Д. Нацов; предисл., пер., примеч. и глос. Г. Р. Галдановой / Г.-Д. Нацов. – Улан-Удэ: Изд. БНЦ СО РАН, 1998. – 186 с.

Сыртыпова С. Д. Тибетский фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН: структура и содержание / С. Д. Сыртыпова, Х. Ж. Гармаева, Д. Б. Дашиев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 226 с.

Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя: бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.) / Н. В. Цыремпилов. – Улан-Удэ, 2013. – 338 с.

Успенский В.Л. Экспедиция барона П.Л. Шиллинга фон Канштадта в Сибирь в 1830–1832 годы и ее значение для тибетологии и монголоведения / В. Л. Успенский // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Т. VIII: Н. К. Рерих и его современники. Архитекторы и архитектура. Восток глазами Запада. – СПб.: Музей-институт семьи Рерихов, 2011. – С. 292–294.

Nourse B. J. Canons in Context: A History of the Tibetan Buddhist Canon in the Eighteenth Century [Электронный ресурс] / B. J. Nourse. – Charlottesville: University of Virginia, 2014. – 239 p. – Режим доступа: https://libraetd.lib.virginia.edu/downloads/9c67wn16z?filename=Nourse_-_Canons_in_Context.pdf (дата обращения: 23.07.2024).

References

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB): f. 84, op. 1., d. 238 (Hodatajstvo o svobodnom propuske iz-za granicy burhanov, knig i prochee).

Bal'zhurova A. Zh. Ivolginskij dacan: sohranenie istoricheskogo pamyatnika, sozdanie muzeya / A. Zh. Bal'zhurova, T. A. Boronoeva // Iskusstvo Evrazii. – 2019. – № 4(15). – S. 255–266.

Bahtina O. N. «Egda chtem, Gospod' k nam beseduet ...»: k voprosu ob institualizacii social'noj arheografii / O. N. Bahtina, E. E. Dutchak, V. V. Kerov // Vestnik RUDN. Ser. Istoriya Rossii. – 2006. – № 2. – S. 75–85.

Galdanova G. R. Lamaizm v Buryatii XVIII – nachala XX veka: struktura i social'naya rol' kul'tovoj sistemy / G. R. Galdanova, K. M. Gerasimova, D. B. Dashiev, G. C. Mitupov. – Novosibirsk: Nauka, 1983. – 232 s.

Zorin A. V. Katalog sochinenij tibetskogo buddijskogo kanona iz sobraniya IVR RAN. Vyp. 1: Kag'yur i Teng'yur / A. V. Zorin, B. L. Mitruiev, S. S. Sab-rukova, A. A. Sizova. – SPb.: Vost. lit-ra, 2017. – 512 s.

Muzraeva D. N. Buddijskie pis'mennye istochniki na tibetskom i ojratskom yazykah v kollekcijah Kalmykii / D. N. Muzraeva; отв. ред. Е. П. Бакаева; науч. ред. А. А. Бuryкин. – Элиста: Dzhangar, 2012. – 224 s.

Nacov G.-D. Materialy po lamaizmu v Buryatii. Ch. 2 / G.-D. Nacov; predisl., per., primech. i glos. G. R. Galdanovoj / G.-D. Nacov. – Ulan-Ude: Izd. BNC SO RAN, 1998. – 186 s.

Syrtypova S. D. Tibetskij fond CVRK IMBT SO RAN: struktura i sodержanie / S. D. Syrtypova, H. Zh. Garmaeva, D. B. Dashiev. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2006. – 226 s.

Cyrepilov N. V. Buddizm i imperiya: buryatskaya buddijskaya obshchina v Roscii (XVIII – nach. XX v.) / N. V. Cyrepilov. – Ulan-Ude, 2013. – 338 s.

Uspenskij V. L. Ekspediciya barona P. L. Shillinga fon Kanshtadta v Sibir' v 1830–1832 gody i ee znachenie dlya tibetologii i mongolovedeniya / V. L. Uspenskij // Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Rerihovskoe nasledie». T. VIII: N. K. Rerih i ego sovremenniki. Arhitektory i arhitektura. Vostok glazami Zapada. – SPb.: Muzej – institut sem'i Rerihov, 2011. – S. 292–294.

Nourse B. J. Canons in Context: A History of the Tibetan Buddhist Canon in the Eighteenth Century [Elektronnyj resurs] / B. J. Nourse. – Charlottesville: University of Virginia, 2014. – 239 p. – Rezhim dostupa: https://libraetd.lib.virginia.edu/downloads/9c67wn16z?filename=Nourse_-_Canons_in_Context.pdf (data obrashcheniya: 23.07.2024).